

**СЕРГЕЙ
АЛЕКСЕЕВ**

ХОЗЯИН
БОЛОТА

Сергей Трофимович Алексеев

Хозяин болота

Текст предоставлен издательством «АСТ»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=131747

Алексеев С.Т. Хозяин болота (повести и рассказ): АСТ, АСТ Москва,

Хранитель; Москва; 2008

ISBN 978-5-17-047300-7, 978-5-9713-6685-0, 978-5-9762-4849-6

Аннотация

С высоты Алейское болото похоже на человеческий глаз. На Алейское болото прилетают черные журавли. Много чудес на Алейском болоте. И люди в тех местах живут удивительные. Как везде. А еще у болота есть Хозяин. «Все говорят: если увидишь Хозяина на болоте – оторопь берет, больно чудной он, не привычный глазам и нервам. Однако еще, сказывают, счастье большое выпадет тому человеку в жизни. Во всем удача будет...»

У Сергея Алексеева – автора знаменитой серии приключенческих романов «Сокровища Валькирии» – много таежных историй...

Содержание

1	4
2	8
3	14
4	23
5	32
6	40
7	45
8	60
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Сергей Алексеев

Хозяин болота

1

В ясные лунные ночи над Алейскими болотами слышен тревожный, нарастающий шорох. Он начинается где-то в центре, от большого и глубокого озера, и ползет к лесистым берегам, напоминая утробное ворчание таежного пожара-низовика. Можно было бы сказать, что это ветер разгоняется по неоглядной мари и шелестит жесткой, болезненной травой, но в такие минуты под белым лунным светом замирает даже осиновый лист и камышовый пух со зрелым семенем застывает в теплом, влажном воздухе.

А когда промчится над Алейскими болотами шорох и пропадет в береговом дурнолесье, возникает другой звук, еще более непонятный. Будто огромный зверь крадется по гибким топям, с мучительным трудом выдирая ноги из густого торфяного месива. Каждый раз глухое чавканье приближается к берегам, но неведомый чудо-зверь, видно, не любит сухого места и поворачивает назад. Если в это время или хотя бы рано утром оказаться на болоте, то можно заметить петляющую цепочку оплывающих воронок, из которых пузырится газ, и выдранную с корнями траву. Но чуть запоз-

дай – и хлябь проглотит все следы.

Как-то весной к деду Аникееву пришел человек, одетый в скрипучий кожаный плащ и такую же кепку с подвязанными ушами. На плече у него висел толстый короб вроде саквояжа, а на шее – штук пять разнокалиберных фотоаппаратов.

– Ты, говорят, знаешь, где черные журавли на болоте живут? – спросил он.

– Да знаю... – буркнул дед Аникеев. – А что тебе журавли-то?

– Снимать буду, – заявил человек, – по заданию журнала.

Дед Аникеев, по прозвищу Завхоз, молчком обулся, прихватил ружье и повел фотографа на болото. Если надо – чего же не показать? Пускай снимает. Птица редкостная, слышно было, только на Алейских болотах живет да еще в Китае.

Привел Завхоз фотографа, показал место, откуда снимать, а сам в поселок собрался. Дело было под вечер.

– Ты ружье-то возьми, – посоветовал он фотографу. – Обратно пойдешь – занесешь.

– Твое ружье, дед, мне ни к чему, – гордо сказал тот. – У меня свое есть, мирное.

И вынул из короба чудной какой-то аппарат с ружейным прикладом и длинной трубой.

– Возьми, возьми, – настаивал дед Аникеев. – Если что жуткое почудится – хоть пальнешь вверх. Отпугнешь мало-мало, да и самому посмелее станет.

– Кого здесь пугать? – рассмеялся фотограф. – Животных я буду снимать, а болотных чертей не боюсь.

– Ну, гляди сам, – уклончиво ответил Завхоз. – Луна-то, ишь, подсолнухом висит. Хозяин, поди, бродить станет.

– Ладно, дед, разыгрывать-то, – добродушно сказал фотограф и щелкнул Аникеева фотоаппаратом. – Я сказки и почище твоих знаю. Вот вернусь с болота – расскажу, если хочешь.

Однако Завхоз не обиделся, а только покряхтел и еще раз глянул на луну.

– Тогда хоть ори, – посоветовал, – ори, если тошно станет. От крика-то не так и страшно будет.

Глубокой лунной ночью фотограф прибежал к деду Аникееву взмыленный, растерзанный и страшный. Пропали куда-то короб, кепка и два фотоаппарата. А вместе с ними – дар речи.

К утру Завхоз отпоил его медовухой, просушил мокрую одежду и принес растерянные на болоте аппараты. Хорошо, луна светила – хоть иголки собирай. Фотограф, слегка заикаясь, рассказал, что из болота к нему выползло чудовище. Головка маленькая, змеиная, с серыми внимательными глазками, а тулово с хороший амбар величиной и зубьями по хребтине.

– Он был, – уверенно сказал дед Аникеев. – А снять-то ты догадался, нет? Для науки карточка в самый раз бы пошла, Ивану бы Видякину показали.

– Оторопь взяла, – признался фотограф, – жуть обуяла.

Так или не так было с фотографом на Алейском болоте, неизвестно. Однако эту историю в Алейке рассказывали, ссылаясь на то, что Завхоз врать не будет. На огромном болоте какого только зверья и птицы не водилось. В глубине, на узких осиновых гривках жили камышовые коты, в непроходимых кочкарниках гнездилась выхухоль, ближе к озеру – ондатра, на самом же озере, бездонном и чистом, плавали лебеди.

И черные журавли из всего множества российских болот почему-то выбрали именно это.

Может быть, потому, что с высоты Алейское болото похоже на зоркий человеческий глаз...

2

«...В прошлое время, когда из Алейки еще самолеты летали, я поднимался один раз над болотом, – писал Завхоз. – Истинно на глаз походит! Осинничек, что по краю вырубов нарос, – чисто реснички. А сама марь с высоты-то белая-белая. Это от травы так кажется. Белок, да и только! Раньше, когда воды в болоте доставало, он даже голубоватым был немного, как у ребенка. Озеро стоит в самой середине и от этого похоже на зеницу. Его с берегов-то не увидишь, далеко. Только с самолета и можно. Я пацаном и не ходил к озеру ни разу. Пройти было невозможно, топь да топь. Наши мужики зимой туда пробирались рыбачить. Озеро-то не замерзает – вот какая штука! Кругом все речки во льду, и другие озерушки тоже, а этому хоть бы что, лишь пар валит, как из бани, но вода-то – зубы ломит. Так вот нынешние ребятишки чуть не каждый день туда шастают, скоро уж на великах ездить начнут. Раньше вода держалась, но как лес вокруг повыбрали – сохнуть стало. А такие бора были! Сосны по двадцати метров, глянешь на макушку – шапка валится. Сейчас на этом месте саженцев насадили, да что толку? Осинник прет, глушит. А осина – дерево дурное, и толку с него нету. Мне бывший директор леспромхоза Богомолов говорил, дескать, не пиши ты, Никита Иваныч, жалобы, не булгачь народ. Вырастут саженцы, и будет тебе вода в болоте. Успокаивал, значит,

бдительность мою тупил. Но сами посудите, товарищи: пока эта сосна-то пробьется сквозь осинник да вырастет? За такое время не только болото – озеро высохнет. Ведь если подумать-то – когда сосна поднимется, ее же спилить захотят. Зря сеяли, что ли? Оттого и пишу жалобу! Богомолу что, леспромхоз закрыли – он на новое место укатил, опять директором поставили. Мы же тут остались, ехать нам некуда. В давние времена Алейка, считай, с этого болота кормилась. По осени утка да гусь как поднимутся – небо черно. А сколь пушнины добывали! Рыбу с озера волокушами перли. Теперь туда ребятишки с котелками, с удочками ходят. А что, если и журавли улетят? Соберутся да махнут в Китай. Им-то все равно где жить, им наша граница вовсе не рубеж Отечества, лишь бы хорошо было.

Ведь я что хочу предложить-то? Нельзя ли воду на болото запустить? Там недалеко речушка есть, маленькая и совсем почти бесполезная. Вот бы ее завернуть-то?! Канал бы прорыть через одну горушку и пустить на болото? И не шибко дорого станет, я все сосчитал. Пару бульдозеров, человек десять рабочих, взрывчатки с тонну (это чтоб зимой мерзлоту рвать), ну и труб железобетонных километр, а то и меньше. Разве это дорого, чтобы чудо такое спасти?»

Завхоз почувал, что дошел до самой главной мысли, и у него от нетерпения затряслись руки. Он бросил авторучку и стал вертеть самокрутку. Она вышла уродливой, толстой, но Завхоз плюнул на это, прикурил. На кухне сразу завоня-

ло махоркой, дым потянуло в горницу, и тут же послышался сердитый со сна голос бабки Катерины:

– Опять куришь? Смолзавод, а не изба, истинный бог! Ступай-ка на улку! Летом бы хоть пожалел, не травил...

Завхоз спорить не стал и перебрался на крыльцо. Он услышал, как под горой, на луговине, скрипел одинокий коростель и эхо слабо крякало на другой стороне реки. Еще где-то далеко, в молодых сосняках, монотонно и бесконечно трещал козодой, да Иван Видякин, как всегда припозднившись, тюкал топором в своем дворе. Вот и все ночные звуки в Алейке. До утра просиди – ничего не услышишь. «А раньше-то как шумно было да весело, – сокрушенно подумал дед Аникеев, – на гармониях играли, парни дрались, девки визжали...»

Однако он тут же оборвал грустные воспоминания. «Все раньше да раньше! – передразнил он себя. – Чего вздыхать-то? В молодости всегда кажется, что веселей жили. В старости какое же веселье? И дураку понятно...» Самокрутка трещала, и при затяжке бралась пламенем газета. Завхоз мысленно перечитал написанное письмо и отметил, что он вообще слишком часто употребляет это слово – «раньше». Чуть что, так сразу – эх, как хорошо было раньше! Вспомнилось, и Богомоллов к таким высказываниям всегда придирался. «Ты, Никита Иваныч, будто очень тоскуешь по старым временам? – подозрительно спрашивал он. – Может, тебе царские времена больше по душе были?»

– И-их, сучий потрох! – выругался Завхоз и затоптал окурок. – Ну, если такой же станет жалобу читать? Тоже прицепится еще...

Он вернулся в избу и сел за стол.

«На тему про болото я писал уже несколько раз во всякие организации, – продолжал он. – И наперед хочу сказать, что я не голосую за старые времена, потому как я – фронтовик, имею две медали и одну контузию. А в двадцатом партизанил и бил у нас на востоке япошек. Правда, мне было тогда четырнадцать и в партизаны меня взял батя, чтобы белые не мобилизовали. Выглядел-то я на все восемнадцать. Так вот. Еще хочу предупредить, что за ранешное время на болоте дичь всю не перебили и рыбу не выловили. А то Богомоллов всегда страшал, дескать, чего ты хай поднимаешь? Сам виноват, меры не знали в добыче. Я хочу сказать – напротив. Раньше-то верная мера была: обеспечил себя на зиму, запасся – и хорошо. А теперь прут и прут каждый год, как в прорву, зимой, летом. Природа-то не поспекает...»

Завхоз снова бросил писать и развязал кисет. Опять его поволокло на проклятый круг – раньше и сейчас. Мысли путались, и суть ускользала. Ему хотелось написать жалобу так, чтобы все сразу увидели Алейское болото, обрадовались ему, что оно есть на земле, и полюбили. Для этого деду Аникееву следовало чем-то сильно заинтересовать людей и начальников, которые прочитают его жалобу. Про зверье он написал, но выходило не так любопытно.

– Катерина! – позвал он старуху, внезапно осененный идеей. – Слышь, а про чудище-то написать или нет? Ведь старики-то, говорят, видели, и фотограф этот видел.

– Пиши, – безразлично ответила Катерина. – Только с тобой писанины толку-то... Смесишь людей на старости.

– Ничего, – мирно сказал Никита Иваныч. – Попомни мое слово – будет толк. Я ж теперь в саму Москву пишу! К правительству.

Старуха протяжно вздохнула и затихла.

«Старые люди, что жили в Алейке еще до революции, и другие потом, особенно в войну, сказывали, будто видели на болоте и в озере какое-то животное, шибко уж страшное. Голова маленькая, ровно у коровы, а тулово огромное, с барак размером, если не больше, и с пилой по хребту. Сам я не видал, но сколь раз слышал, как оно ползает и чавкает хлябью. В лунную ночь летом всегда слышно. Сначала шорох пройдет, потом оно ходит. У нас это животное с давних пор зовут Хозяином. Недавно был у меня ваш столичный фотограф из журнала „Огонек“, приезжал снимать журавлей. Вы его можете вызвать и спросить, он видал. Я, конечно, в Бога не верую и во всякую нечистую силу, но надо бы проверить ученым. Вдруг правда оно живет у нас? Журавли-то ведь живут! Нигде нету – у нас есть! Плохо, фотограф тот снять не успел, разволновался маленько. Да и все говорят: если Хозяина увидишь на болоте – оторопь берет, больно чудной он, не привычный глазам и нервам. Однако еще, сказывают, сча-

стве большое выпадет тому человеку в жизни. Во всем удача будет».

Он подумал, что бы еще такое написать, но после Хозяина все читалось бы неинтересно. Завхоз еще раз попросил принять участие в судьбе Алейского болота, подписался и собрал листочки. «Поглядим! Еще какой толк будет! – мысленно поспорил он с женой. – Раньше-то я, дурак, то в район писал, то в область. А в Москве долго чухаться не станут. Враз порядок наведут... Эх, еще бы приписать, чтобы Богомолова наказали. Огрели бы как следует и вытурили из директоров как вредителя родной природы».

Потом он еще вспомнил, что забыл рассказать про карьер на окраине болота, в котором добывали торф. Ямищу вырыли – деревня влезет. Когда всю деловую и неделовую древесину выбрали в округе, Богомолов, чтобы продержаться леспромхоз, еще года два добывал торф и возил его на паузках куда-то в колхоз на удобрение. Карьер потом залило водой – густой, вонючей, Богомолов утопил там бульдозер и отстал наконец от болота. А яма-то – вот она, стоит, и теперь Алейское болото хоть и похоже еще на человеческий глаз, но в уголке этого глаза будто слеза накопилась и вот-вот упадет...

3

Рано утром дед Аникеев отправился к Ивану Видякину.

Перед тем как выйти на улицу, Никита Иваныч заглянул на чердак, где спала дочь Ирина. Подумал сначала ей дать жалобу прочитать. Ирина приехала в Алейку на пейзажи. Гордился Завхоз дочерью. Это надо же – художницу вырастил! Ходит теперь по селу или по лесам и все рисует. Дед Аникеев в живописи понимал не много, самое главное было для него, чтобы картины выходили как живые. Однако у Ирины поселок – родная Алейка – отчего-то напоминал пасеку, выставленную весной на гари: дома, как улы, бугры какие-то, овраги, и все это в красных сполохах, словно коневник так буйно зацвел, что всю пасеку начисто и закрыл. Алейское же болото и вовсе на себя не походило: желто-серый туман и несколько хворостинок торчит. Никита Иваныч однажды по недомыслию спросил, почему это у дочери картины такие плохие выходят, а та обиделась. Несмотря на это, Завхоз дочь свою уважал и жалел. Тревожно было за нее – тридцать второй год, а она еще не замужем. Не берут, говорит, устарела. Несколько раз Никита Иваныч пытался узнать причину, она же все свое талдычит. И чудно она про жизнь рассуждает. Все у нее получается, как на картинах: вроде похоже, но какая-нибудь ерунда затесалась и все портит, как те сполохи. Дай ей жалобу прочитать – она, чего доброго, и не

поймет, зачем написана.

Иван Видякин жил на другом конце Алейки. По пути к нему Завхоз мог зайти еще и к Пухову – одноногому старику фронтовику – дать прочитать ночное сочинение и попросить подписаться для убедительности. Пухов во все времена был ярый общественник, всякие бесплатные должности занимал – депутата в сельсовете, внештатного рыбинспектора и однажды как-то был товарищеским судьей в Алейке. Короче, если все его титулы и членства приписать, то в Москве немедленно бы тревогу забили. Соблазнительно было деду Аникееву завернуть к соседу и заручиться его поддержкой, но между ними недавно случилась очередная ссора. Правда, Никита Иванович уже поостыл и простил бы Пухова, да другая беда вспомнилась: Пухов обязательно бы нашел, что еще вписать и дописать, по мнению Завхоза, для жалобы о высыхающем болоте ненужное. Про то, что в леспромхозах пьют здорово и план от этого не выполняют, или про слишком мягкие законы для всяких хулиганов и пьяниц. Одним словом, показывать ему жалобу – только время терять. Оттого Завхоз напрямиком отправился к Видякину.

В Алейке осталось шесть дворов – старики да старухи, которым ехать некуда да и незачем: все свои, коренные. Леспромхозовские-то, пришлые, мужики отработали здесь и дальше потянулись. Один только Видякин из них остался. Развел пасеку на тридцать колодок, несколько избушек по тайге срубил, чтобы зимой на промысел ходить, и живет

себе, везде поспевает. Иван Видякин из всех алейских мужиков был самым молодым – едва полсотни минуло. Мужик, считали, шибко грамотный и просвещенный, поскольку в леспромхозе работал на самых разных работах: десятником, начальником участка, бухгалтером, конюхом, бракером и еще черт знает кем. Иван знал все на свете, выписывал много журналов, газет, а книги по пчеловодству только у него и брали. Но вместе с этим Иван был отчего-то хмур и сердит. Говорил мало, зато если что скажет – в самую точку. Любил его за это Никита Иванович. Особенно когда леспромхоз закрыли и завхоза Аникеева на пенсию отправили. Затосковал Никита Иванович, измаялся от безделья и потянулся к Видякину. За компанию с ним купил две семьи пчел, но они никак не разводились. У Ивана колодки будто на дрожжах растут, семьи сильные, медосбор хороший. Завхозовы же пчелы то взятка не берут, то вдруг зимой их понос прохватит и мрут они тысячами. Тогда Иван дал ему одну колодку из своих, бесплатно дал, и еще пару маток, чтобы в другие ульи посадить. С той поры наладилась пасека у деда Аникеева. Так-то ведь, без работы, совсем жить невмоготу. Тем более за последние годы столько ее было! Никита Иванович работал завхозом, но когда написал первую жалобу, как Богомоллов губит болото, вызвал его директор и спросил:

– Скучаешь, поди, на своей должности?

– Да тоскливо, – признался тот. – Верхонки выдал и сиди...

– Ну, чтобы не скучал, воду будешь возить, – сказал Богомоллов, – в контору, баню и клуб. Я приказ уже написал.

После второй жалобы Завхозу поручили возить на лошади дрова к школе, детскому саду и сельсовету. Незаметно, а все успевал Аникеев: и хозяйством заправлять, и воду с дровами возить. Приплачивали, конечно, не за так. Но вмешался Видякин. «Не имеешь права, – сказал он Богомоллову. – Либо освободи старика, либо плати ему три ставки».

И Завхоза отправили на пенсию.

* * *

Просвещенный Иван Видякин сидел на бревне и тесал заготовки для ульев. Над головой реяли трудолюбивые видякинские пчелы и рыжие болотные комары.

– Здорово, – сказал дед Аникеев и для затравки разговора добавил: – Слышу, стучит кто-то спозаранок.

Баба Видякина, Настасья, стоя на четвереньках, раздувала огонь в летней печи, сложенной во дворе.

Иван воткнул топор в бревно, поздоровался и стал закуривать. Завхоз с ним, за компанию.

– Коневник нынче хорошо цветет, – сказал Видякин, – вырубка да гари аж пылают. С медом будем.

– А-а! – для порядка протянул Никита Иваныч и выхватил из кармана жалобу. – На-ко, погляди. Написал вот, не вынесла душа...

Видякин неторопливо взял листочки, развернул на колене и деловито начал читать. Самокрутка тлела в его пальцах, а Завхоз вдруг ощутил нетерпение и какой-то душевный зуд... Он вскочил и забегал по двору, бесцельно останавливаясь то возле калитки на пасеку, то у печки, где Настасья уже ставила варить картошку. В огороде у Видякина все цвело, особенно старательные пчелы уже возвращались, огруженные от первого утреннего взятка, белел на высоких столбах недорубленный лабаз в углу двора, лежала груда оструганной клепки. Все кругом было по-хозяйски крепко, разумно и предусмотрительно. «Вот молодец!» – радовался дед Аникеев, проникаясь любовью к хозяину и уверенностью, что Видякин одобрит жалобу и подпишется.

Однако Иван прочитал письмо Завхоза и как-то подозрительно глянул на первый листок.

– Это, значит, в Москву писано? – уточнил он.

– А куда ж еще-то писать? – Дед Аникеев сел напротив Видякина и заглянул ему в лицо. Крепкому прямому носу было чуть тесно между глаз, зато на высоком лбу с залысынами глубокие складки вольно разбегались до самых волос.

– В таком виде не пойдет, – заявил Иван. – Поправить требуется.

– В каком месте поправить?

– Вот смотри. Осина, пишешь ты, бесполезное дерево. А оно еще как полезное! Из осины спички делают, – сказал просвещенный Видякин. – А потом, ты про Хозяина-то как

пишешь? Про чудо-то? Так не пойдет. Подобного вида животное на земном шаре уже обнаружено. У англичан, в Лохнесском озере, понял? Журавлей там нету, конечно, а оно есть.

– Да ну?! – удивился Никита Иванович. – А ведь не слышать было!

– Надо периодическую литературу читать, – бросил Иван. – И вот это словечко – «до революции» – тоже выбрось. Выбрось не думая. «До революции видали животное...» Спросят тебя: а потом куда оно делось, после революции?.. Понял текущий момент? Ошибка это.

«Черт с ним, выброшу, – про себя согласился Никита Иванович. – А ну и правда спросят? Не убежало же оно за границу?»

– И вообще ты про чудо выбрось совсем, – продолжал Видякин. – Это мистика. Динозавры давно вывелись, тем более у нас. Они от голода и отравы вымерли, яду много в траве стало.

– Но у англичан-то есть! Сам говоришь, – не сдержался Завхоз. – Ты вспомни, весной-то фотограф приезжал...

– То у англичан... – Видякин полистал жалобу. – И еще убери, что ты имеешь контузию. Обязательно убери.

– Так имею же! – не сдавался дед Аникеев. – Голова у меня до сих пор кружится, и пятнышки в глазах стоят.

– И плохо, что имеешь, – спокойно сказал Видякин. – В смысле, иметь-то ты можешь, но писать про нее не обяза-

тельно. Подрыв авторитетности автора. Уловил, куда я клоню?.. Лучше допиши про японцев. Как они тонули в нашем болоте и как громили их здесь. Понял? Историческое место, памятник. В Гражданскую тонули и в Отечественную.

– Ты мне сейчас наговоришь! – обиделся Завхоз. – Тебя послушать, так все не так.

Настасья у печи оглянулась на него и посмотрела с внимательным прищуром. Непокосимый Видякин достал кисет, свернул сигарку и прикурил.

– Я тебе, Никита Иваныч, вообще не советовал бы эту жалобу посылать, – неожиданно заявил Иван. – Стоит болото пока – вот и пускай стоит. А как приедут да начнут вокруг ямы-канавы рыть? Все соляркой позальют, трактора реветь будут день и ночь. Животному миру тишина требуется, покой, сам же знаешь. И всякое искусственное ему как ножом по горлу... Не посылай жалобу, Никита Иваныч, прошу тебя как человека. Только себе да болоту хуже сделаешь.

– Значит, подписывать не будешь? – сдерживая гнев, спросил Завхоз. – Значит, в стороне хочешь остаться?

– Да не хочу, пойми ты меня! – Видякин постучал в грудь. – Тут другие меры нужны, другой подход к вопросу.

– Я тебя понял, – с тоской проронил Никита Иваныч. – Хочешь, прямо в глаза тебе скажу, кто ты есть? Обидишься, поди, а? Я недавно Пухову сказал – тот до сих пор не здоровается. Ну?

– Скажи, – невозмутимо бросил Иван. – Меня все знают.

– Ты ведь не болото жалеешь и не журавлей, – Завхоз погрозил пальцем, – у тебя другой интерес. Я понял, чего ты напугался. Ты боишься, что болото и всю тайгу в округе заповедником сделают и тебе охотиться запретят.

– Ты это напрасно, – отмахнулся Видякин. – Я бы рад, если заповедник...

– Рад?! – перебил его Завхоз. – Это ты – рад? Да ты первый враг заповеднику, первый его противник. У тебя заработка не будет на пушнине. А ты вон как размахнулся, глядишь, скоро миллионером станешь!

И Видякин разволновался:

– Ну ты подумай своей головой, Никита Иваныч! Кто станет теперь здесь заповедник открывать? Чего ты мелешь? Сначала леса кругом повырезать, всю флору изгадить, вытоптать, а потом заповедник? Ну где так делается? – Иван чуть успокоился, выдернул топор, ощупал пальцем лезвие. – Темный ты человек, Никита Иваныч, непросвещенный. Заповедники устраивают там, где природа нетронутая стоит, где вся фауна в целости, живая-здоровая... Порви бумагу, Иваныч, не посылай... Если хочешь, я тебе за это колодку пчел дам. Роек нынешний, но хороший, и матка первый сорт. Вчера глядел – уже детка посеяна...

– Эх ты... – проронил Завхоз и подался со двора. – Купить меня захотел? Эх ты...

– Не обижайся, Никита Иваныч! – Видякин догнал Аникеева уже в воротах. – Подумай хорошенько. Ну сделают за-

поведник, и что? Сюда турист всякий хлынет! Начальство всякое ринется! Ведь только объяви в газетах про него – воздуха не будет, как от комарья. Нам лучше сидеть и молчать, а природа сама себя полечит...

Завхоз не дослушал и, грохнув тесовой, с резьбой, калиткой, вышел на улицу. В это время бойкая видякинская пчела с пронзительным звоном настигла его и, залетев спереди, ударила в переносье. Дед Аникеев вырвал жало и растоптал сапогом корчившуюся в траве пчелу.

4

Через пять минут глаза у Никиты Иваныча стали заплывать. Яд действовал быстро. Пока он пришел к своей избе, от глаз остались щелочки. По дороге успел заметить инвалида Пухова, который сидел на скамеечке у ворот и, выставив деревянный протез, как ствол пулемета, смотрел вдоль улицы.

– Иваныч! – позвал Пухов. – Айда покурим!

Аникеев гордо прошагал мимо. У себя во дворе он выкатил из сарая велосипед и стал накачивать переднее колесо.

– Куда это? – спросила Катерина. – Не завтракамши-то?

– Не ваше дело, – буркнул Завхоз.

– Кто тебя приласкал-то с утра? – засмеялась старуха, имея в виду заплывшие глаза. – Экий ты справный стал!

– Чтоб Ивана в моей избе – ноги не было! – сурово сказал Никита Иваныч. – А его улей я назад отдам. Мне чужого не надо.

– У-у, понесло тебя! – развеселилась Катерина. – Ириша, ну-ка иди сюда, глянь-ка на нашего отца, чего это с ним?

В молодости она побаивалась мужа, не то что слова поперек, а лишнего опасалась сказать. Никита Аникеев крутой мужик был, хоть и не бивал жену, но чуть что не по нему – кулаком о стол: мать-перемать! Не прекословь! А как состарилась – все нипочем ей стало. Никита Иваныч говорит: заведи-ка мне, старуха, лагушок медовухи. Она – нечего мед

переводить, ты и без медовухи всегда веселый.

Старуха вышла из повиновения, и он с этим никак не мог примириться.

– Коли ты в село – хлеба купи, – предупредила Катерина. – Тогда я квашню ставить не буду.

– Мне не до хлеба, – отмахнулся дед Аникеев. – Я по другому делу.

– У вас у всех дела, – разворчалась старуха. – А я вас корми-пой! За день не присядешь, как заведенная. Помогать никто не желает! Небось за стол, так...

Она оборвалась на полуслове, потому что скрипнула чердачная дверь и на приставной лестнице показалась Ирина. Никита Иваныч бросил насос и придержал лестницу.

– А ты почто до такой поры лежишь, как телка? – вскинулась Катерина на дочь. – Хоть бы помогла картошки почистить.

Ирина спустилась на землю, и сердце Никиты Иваныча отмякло, даже утренняя схватка с Видякиным забылась и жестокая обида на него притупилась.

– Что с тобой, папа? – испугалась дочь, заметив опухшие глаза.

– Пчела укусила, – сказал Завхоз. – Ничего, это полезно, говорят.

– Бедненький, – пожалела она. – Ты сейчас на китайца похож.

– А ну вас! – рассердилась Катерина и ушла в избу. Через

минуту она вынесла хозяйственную сумку, крепко привязала ее к багажнику велосипеда и молча сунула мужу пятерку.

– Папа, – ласково сказала Ирина, – покажи мне сегодня журавлиное гнездо. Давай сходим с тобой, когда ты вернешься.

– Шесть буханок возьмешь, – распорядилась старуха, – и три килограмма рису.

– Ладно, дочка, – согласился Никита Иваныч. – Токо они сейчас на выводах сидят, близко к себе не подпускают. А спугнешь – могут и гнездо бросить.

– А мы осторожно!

Завхоз нащупал в кармане жалобу, но вытащить и показать ее дочери все-таки не решился. Не хватало еще и с ней испортить отношения. Кто знает, как она воспримет?

– Я буду тебя ждать, – сказала дочь. – Ты только не задерживайся. Хорошо?

Дед Аникеев вывел велосипед на улицу, сел в седло и покатил вдоль улицы, набирая скорость. До поселка, где была почта и магазин, считалось двенадцать километров. Обычно, если Завхозу случалось ездить туда, он ехал не спеша, глядел по сторонам и думал. Скрипели педали, шуршали колеса по песку, и мысли приходили хорошие, ладные. Вот едет он, Аникеев Никита Иваныч, крепкий еще, несмотря на семьдесят лет, ничего нигде не болит, не ноет, дышится легко. С хозяйством он может управляться, сена на корову накашивает, за пчелами ходит, охотится еще, рыбачит для себя. Хо-

рошая жизнь досталась на старости лет. И если еще Ирина замуж выйдет, а старуха болеть не будет – можно долго жить. В молодости-то и войны были, и голод, и болезни всякие.

Сейчас же Завхоз крутил педали, и ни одной подобной мысли в голове не появлялось. Он заметил, что дорога начинает зарастать, затягиваться травой-ползунком, а посередине вообще выдурила до пояса, хоть литовкой коси. Год минул, как леспромхоз закрыли, но уже почернели пни на вырубках, кое-где молодой соснячок-самосев проклюнулся. Брошенные вдоль дороги изношенные и разбитые трелевочники примелькались уже, вписались как-то и в глаза не очень-то бросаются. Лесовозные дороги и волоки тоже понемногу зарастают: там мох пробился, там травка зазеленела.

Может, прав Иван Видякин? Природа сама излечится. Когда у человека что заболит, так организм все силы кидает, чтобы болезнь ту осилить. Лиса в капкан попадет – начинает скорее лапу отгрызать. Черт с ней, с лапой-то, на трех скакать можно, зато живая. Приспособятся, может, журавли-то? И болото помаленьку восстановится? Чего журавлям лететь в чужой Китай, если родились здесь, выросли, летать научились? Он же, Аникеев Никита Иванович, не поехал из Алейки, когда леспромхоз разогнали. А ведь тоже – поселок-то разорили: ни магазина, ни фельдшера, ни почты. Казалось, невозможно человеку жить, а живут ведь!

Дед Аникеев слез с велосипеда и покатыл его, шагая сухой, твердой дорогой. Стебли трав звонко стучали о спицы,

искрилась последними каплями высыхающая роса, и стремительные птицы проносились в прозрачном, теплом воздухе... Может, и впрямь не стоит булгачить народ жалобами? На кого жаловаться-то? На себя же и выходит! Сам столько лет в леспромхозе отработал и, пока завхозом не назначили, сколько лесу-то повалил? И вокруг болота валил. Заставляли – делал и денежки еще получал. Спросят: раньше-то почему о болоте не подумал, не написал? Вдоль рек лес оставляли, как положено было. А про болото кто знал? В законе ни слова – значит, можно. Почему, спросят, если ты такой ушлый, раньше не додумался? Почему тебе в голову не тенькнуло, что болото пересохнет, если леса вырезать?

А кто его знает – почему? Жил и никогда не задумывался. Другие заботы были...

Он положил велосипед на обочину и присел, доставая кيسет. На середине дороги, в траве, мелькнуло что-то синее, похожее на бумажку от конфеты. Дед Аникеев раздвинул ногой траву и увидел кучное семейство кукушкиных слезок. «Вот уже и цветы на дороге растут», – отметил он и, оглянувшись по сторонам, сунулся носом в бледно-синие лапки цветов.

Кукушкины слезки нужно нюхать не срывая. Сорвешь – и запах мгновенно улетучивается.

Но цветы почему-то пахли махоркой и пылью. Это обескуражило Никиту Иваныча и, ощупав припухший нос, он встал. Тут же вспомнился Иван Видякин... Бестолковый какой-то день начинался. Пошел к Ивану за одобрением – по-

лучил шиш. Верно, теперь он обиделся... Хуже того, подумает, что он, Аникеев, спятил, рехнулся на этом болоте. Почему-то никто ведь, кроме него, жалоб не пишет. Он один строчит и строчит. И сейчас увидел бы Иван, как старик в семьдесят лет ползает на коленках и нюхает цветы, – что бы подумал?..

Но в Москве-то должны знать про журавлей и болото! Ведь и фотографа присылали, значит, точно знают. Тогда почему не шевелятся, почему до сих пор палец о палец не ударили? Никита Иванович поднял велосипед и покатил его дальше. И вообще, о чем люди думают? Ладно, после войны разруха была, хозяйство народное восстанавливали. Тут уж не до птичек было, люди с голоду мерли. Ну а теперь чего? Все есть, промышленность вон какая, в космос чуть не каждый день летаем. На земле-то, поди, можно порядок навести. Слышно было, заповедников-то много создают: и бобров разводят, и зубров, говорят, снова восстановили. А недавно Иван Видякин рассказывал, будто из Канады овцебыков привезли и в тундре расселили. Зверь диковинный и по размерам чуть ли не второй после слона. Со всеми этими животными понятно, с них есть что взять: и пушнина тебе, и мясо, и шерсть. С черного журавля-то ничего не возьмешь. Красивая птица, да и все. Но из-за редкости да красоты ее и надо держать! Если из одной редкости исходить, тогда и художники нам ни к чему.

И от следующей мысли дед Аникеев аж остановился.

Вдруг зябко стало, руки ослабли...

А вот возьмут, трахнут атомной бомбой, и все пропадет разом. Ни людей не останется, ни бобров с овцебыками. И журавли сгорят на лету, и болото высохнет. Даже Хозяин, если он все-таки есть, погибнет, и кукушкины слезки. Конечно, раз такая опасность, до птицы ли людям? Обороняться надо, свои бомбы делать – вот куда денежки-то идут. Потому Ивану журавли и не нужны. Он все строится, деньги зарабатывает, чтобы пожить всласть, пока тихо на земле.

Но ведь если так думать, то сразу ложись в гроб и помирай. Никита Иваныч вскочил на велосипед и крутанул педали. Каких только войн на земле не было, и горячие, и холодные. Если бы рассупонились хоть раз – давно бы и без атома пропали. Птице-то наплевать, что люди между собой творят. Люди между собой грызутся, бьют друг друга, а птица живет. Дожился человек на земле, опустил – хуже некуда. Скоро у птиц станем учиться, как жить.

Растревоженный такими мыслями, Никита Иваныч заехал в поселок и прямым ходом направился к почте. Там он купил конверт, запечатал жалобу и отправил заказным письмом.

– Слышь, девонька, – окликнул он приемщицу писем, собираясь уходить, – скажи-ка, война будет или нет? Чего там слышно?

– Не будет, дедушка! – отозвалась та и засмеялась. – Вы живите спокойно.

– Вот спасибо, – довольно сказал Завхоз, первый раз в этот день услышав доброе слово. – Дай Бог тебе жениха хороше-го!

Девушка покраснела, не переставая смеяться, а Никита Иваныч вдруг заторопился. Он вспомнил, что обещал сводить Ирину на болото и показать журавлиное гнездо. Выезжая из поселка, он угодил в облако пыли, недвижимо висящее над дорогой. Кто-то успел проехать впереди на тракторах, и теперь Завхозу предстояло глотать ее весь обратный путь или обгонять чертову технику. Он приналег на педали и скоро увидел штук шесть бульдозеров, стоящих у развилки дорог. Отплевав хрустящий на зубах песок, Никита Иваныч остановился: путь заслонял человек в болотных сапогах, с полевой сумкой на боку и развернутой картой.

– Мы тут заблудились, – сказал человек. – Стоим, как витязь на распутье. Это куда дорога?

– А вам куда ехать-то?

– На Алейку.

– Ну, давай по моему следу, – сказал Завхоз и, объехав трактора, вздохнул наконец свободно. Мелькнула мысль спросить, зачем это гонят бульдозеры в Алейку, но, обернувшись, Никита Иваныч увидел, что тракторная колонна вздрогнула и поползла за ним. Он прибавил скорости, и техника через несколько поворотов отстала. Велосипед катился легко, мелькали придорожные сосенки, цветы в траве, разноголосо и звонко пели птицы. Даже педали поскрипывали

как-то музыкально. Только пустая хозяйственная сумка так и болталась на багажнике, напомнив о забытом хлебе только у ворот дома...

5

Никита Иваныч привел Ирину на болото, когда солнце легло на его дальний горизонт и уже не палило, прикрывшись розовой дымкой. Чахлые, кривые сосенки по краю и буйная осока плавилась, истекая малиновыми ручьями.

– Вон там они и живут. – Аникеев указал на пламенеющий островок среди темных поблескивающих пятен трясины. – Сейчас-то они подпустят, им солнце прямо в глаза...

– Скорее! – заторопила дочь. – Солнце зайдет, и краски исчезнут. Мне нужны краски, понимаешь? Мне нужны краски!

– В темноте-то бывает еще красивше, – улыбаясь, сказал Никита Иваныч. – Подкрадешься – а они стоят и только головами покачивают. Важные птицы, куда там! Начальство над всеми птицами... А эта, мелюзга ихняя, возится в гнезде, дерется, орет! Ну чисто ребятишки человеческие!.. Разве ты не помнишь? Я тебе маленькой-то показывал.

– Как во сне, – призналась Ирина. – Идем!

Дед Аникеев разыскал место, где без шума можно было пробраться сквозь густой кустарник, и повел дочь обходным путем, чтобы зайти от солнца. Чавкала бурая, кое-где схваченная ярко-зеленой травой земля, длинные тени качались по болоту, натываясь друг на друга.

– Погоди! – громко прошептал Никита Иваныч и остано-

вился. – А про Хозяина ты помнишь? Ну, байку-то рассказывают? Мы же с тобой караулить его ходили. Разве не помнишь? Когда ты в город, в училище поступать собралась?

– Помню-помню, – заверила Ирина, подталкивая отца. – Скорее!

– Стой. А помнишь, как нас мать на болото тогда не пускала? Мы же с тобой тайком убежали. Помнишь? – Дед Аникеев тоненько рассмеялся. – Луна светит – мы сидим, притаились. А у тебя зубы такой стукоток выделывают! По болоту-то – чавк, чавк! Ходит! Жалко, не увидели. А если б увидели?

– Со страху бы умерла, – не сводя глаз с заветного островка, сказала Ирина. – Кажется, вижу...

– Да ничего ты не видишь, – отмахнулся Никита Иванович. – Слушай меня. Его, значит, Хозяина, не надо бояться. Если он есть, то это животное и все. Ну, чудное, конечно, диковинное. Это раньше его дьяволом звали и место это проклятым считалось. А нынче-то чего бояться? В космос летаем, а на земле боимся. Сами еще чудные, правда?

Ирина молча покивала, и они тронулись дальше. Трясина попадалась чаще – этакие приветливые травянистые пятна, но сунь туда жердь в три сажени – вся уйдет.

– Слышь, дочка... – Аникеев опять остановился. – Сегодня Иван Видякин сказал, будто в Англии подобное животное нашли. Неужто так и есть?

– Еще не нашли, но ищут, – прошептала Ирина. – К ним со

всего мира искатели хлынули. Японцы с аппаратурой приезжали... Найдут.

– Ну? – удивился Завхоз и озабоченно потер щеку. – Вон оно как... А может, я тогда зря про Хозяина написал? И к нам со всего мира полезут.

– Как написал? – не поняла Ирина. – О чем это ты?

– Да я так... – отмахнулся Никита Иваныч и вдруг командовал: – Ложись! Дальше токо ползком!

Он упал на живот и оглянулся на дочь. Та помедлила и встала на четвереньки.

– Ложись! – просипел Аникеев. – Спугнем – тут больше не поселятся.

Ползти было мягко, словно по перине. Мощный торфяник, пропитанный водой, чуть покачивался под коленями и локтями. Теплая болотная жижа приятно щекотала руки. Когда вползли в осоку, Завхоз прилег и отдышался.

– Видишь, нет? Должны стоять...

Ирина подняла бинокль.

– Стоят, вижу...

– Во, – прошептал Никита Иваныч, – здесь и остановимся.

Ближе нельзя. Ближе и дочь родную не пущу – слетят.

– Как же я с такого расстояния писать буду? – возразила Ирина. – Мне ближе надо.

– Спугнешь! – отрезал Аникеев. – Не пущу!

И вдруг дочь вышла из повиновения, встала во весь рост, подхватила этюдник и пошла прямо на островок. Никита

Иваныч обомлел.

– Назад! – прошипел он и быстро-быстро пополз следом. – Кому сказал?

Между тем Ирина остановилась в десяти шагах от островка и спокойно поставила этюдник на ножки. При этом у нее что-то звякнуло, как показалось, оглушительно. Аникеев зажмурился. Дочь же быстро достала холст на подрамнике и, закрепив его, принялась выдавливать краски на палитру. Журавль, что настороженно прятался в траве, неожиданно выдернул ноги из трясины и неторопливо полез на кочку. «Сейчас взлетит!» – ахнул Никита Иваныч.

Однако журавль что-то бормотнул, отчего послышался бурный писк из гнезда, и прочно встал на кочку.

– Тьфу ты... – Завхоз выругался и, не скрываясь больше, подошел к дочери.

– Он мне позирует, – сказала Ирина, густо намазывая красную краску на холст. – Ты не волнуйся, папа.

Аникеев плюнул еще раз и сел спиной к журавлю. Тот как-то по-гусиному гоготнул, и птенцы в гнезде дружно подхватили родительский крик, напрягая горлышки.

– Тихо! – приказала Ирина. – Не базарьте и не шевелитесь. «Ну и птица пошла... – с тоской думал Никита Иваныч. – Дворняжки какие-то, а не птицы».

Ирина работала. Скоро на ярко-красном фоне холста с фиолетовыми сполохами появился черный обгорелый сук, видимо, обозначавший журавля. За ним проступали чьи-то

разинутые пасти... Дед Аникеев грустно взглянул на полотно и тихо побрел в глубь болота. Подумал было спросить, не забойтся ли Ирина, когда стемнеет, а то время на болоте жуткое, полнолуние. Но тут заметил, как в воздухе, болтая ногами, плавно скользит журавль и направляется к гнезду. Старик проследил за ним, пока птица не опустилась на кочку, и двинулся дальше. Дочь-то, похоже, теперь не та, что сидела с ним в скрадке лет пятнадцать назад и дрожала от страха, поджидая Хозяина. Все меняется в мире, все становится так просто, что для сказок и места не остается.

Он пришел к озеру и сел на бережок. Самый край берега чуть поднимался над болотом, отчего озеро походило на гигантскую тарелку. Здесь было сухо, и нагретая за день земля отдавала тепло. Вода стояла тихая, и синее небо, луна и малиновая солнечная дорожка отражались как в зеркале. Через несколько минут солнце село, и угасающая заря медленно перекрасилась в вишневый цвет и надолго застыла на горизонте, как перевернутая лодка. Никита Иваныч откинулся на спину и подумал: «Хорошо бы, если кто-нибудь взял Ирину замуж и научил бы ее по-настоящему рисовать. Есть же у них в городе мужики-художники. Ведь должны быть...»

Когда луна поднялась в зенит и свет ее раскалился до белизны, Хозяин осторожно высунул голову из воды и огляделся. На берегу спал человек, а так все было тихо и спокойно. Хозяин перевел дух и задышал часто-часто, прочищая лег-

кие и гортань. Звенящий шорох пронесся над болотом, и от чистого воздуха у него закружилась голова. Он чуть взмахнул под водой своими конечностями, обнажая длинную шею и туловище, затем, приоткрыв клювообразный рот, медленно поплыл к берегу. Теперь Хозяин видел далеко, правда, немного мешал туман над самой землей, и он не сразу заметил еще одного человека, который возился с какими-то предметами и ничего вокруг не видел. Хозяин не спеша поднялся на берег и остановился возле спящего человека, опасаясь, как бы случайно не раздавить его своей тушей. Человек спал как младенец: из приоткрытого рта сочилась нитка слюны. Осторожно вытянув шею, Хозяин наклонился и лизнул человека в щеку шершавым коротким языком. Потом он отошел в сторону и перевел дыхание. Серебристый шорох вновь пронесся над землей и растворился на окраинах болота. Хозяин прислушался. Откуда-то издалека доносилась лихая песня. Таких песен Хозяин не слышал давно. Они нравились ему, напоминая прошлые благодатные времена. Потом он взглянул на луну, и ему захотелось немножко повыть, как воют простые собаки. Но вместо этого он тяжело вздохнул и, выдирая ноги из тугой грязи, пошел к другому человеку.

Какое-то неясное предчувствие томило маленькую голову Хозяина...

Никита Иваныч проснулся от холода и сразу вскочил на ноги.

– Мать моя! Вот это вздремнул!

Тихое утро занималось над Алейским болотом, невесомый, призрачный туман поднимался от темнеющих торфяников и таял в голубеющем небе. Луна в небе перекрасилась, покраснела, словно остывающий металл, и взялась синими пятнами окалины.

– Ирина! – крикнул Никита Иваныч и побежал к месту, где оставил вчера дочь.

Пробежав метров сто, он упал, угодив ногой в какую-то воронку, и тут же вскочил. Цепь воронок с размочаленной свежей травой и пузырями болотного газа тянулась к журавлиному островку...

– Напугает еще, – вслух сказал дед Аникеев и снова побегал. – А то и схавает – недорого возьмет.

Ирина сидела на раскладном стульчике перед этюдником спокойная и счастливая. Щеки ее пылали, блестели глаза и подрагивали губы. Руки, до локтей перемазанные краской и торфом, сжимали пачку кистей, а вокруг валялись выжатые до капли, худые тюбики.

Дед Аникеев глянул на холст и отшатнулся. Уродливая, жуткая животина глядела на Завхоза грустными глазами. Туловище лежало на болоте, утопнув по брюхо, а змеиная головка на длинной шее выдавалась вперед и, казалось, высывалась из картины.

– Ну и образина же! – сказал Никита Иваныч. – Зато как живой. Во сне увидишь – зайкой останешься.

Ирина молчала. Журавли еще спали в гнезде, переплетая шею и тесно прижавшись друг к другу.

– Он тоже – позировал? – спросил дед Аникеев, кивнув на холст.

– Да, с натуры, – устало сказала Ирина. – Пришлось усадить в такую позу, чтобы на полотне поместился.

– Плохо, – удрученно проронил Никита Иваныч, – терпеть не могу.

– Но ты же всегда хотел, чтобы как живые! – обескураженно воскликнула дочь.

– Да нет, нарисовано-то хорошо, без всполохов, – проговорил дед Аникеев. – Плохо то, что птица-то будто ручная сделалась. И Хозяин сам... Не Хозяин, а дворняга какая-то. Портрет дал с себя срисовать. Совсем худо... А сидячая птица – это разве птица?

Ирина со стуком сложила этюдник, отчего журавли в гнезде подняли головы и забеспокоились. Пронзительно закричали птенцы. В тот же миг глава семейства без разгона взмыл в воздух, а матка, оставшаяся возле детенышей, прикрыла их крыльями и угрожающе зашипела. Журавль в небе сделал круг и, крикнув, пошел в атаку на людей. Никита Иваныч заслонился рукой и стал пятиться.

– Ладно, – бросил он дочери, – жди теперь своего счастья. Говорят же: кто Хозяина увидит – тому счастье падает...

6

Подходя к своей избе, Никита Иваныч услышал тяжелую бессвязную песню. Кто-то угрюмо орал хрипнувшим голосом, со стоном переводя дух между словами.

– Никак Иван Видякин напился, – сказал он Ирине. – Ишь куролесит.

Но когда дед Аникеев вышел из проулка, то увидел шесть как попало стоящих бульдозеров с широченными гусеницами и самоходный экскаватор. Тут же из-под крайнего трактора вылез его, Завхоза, кобель Баська и, качаясь, направился к хозяину.

Неожиданно появившаяся техника возле аникеевского двора и неустойчивый на ногах пес так удивили старика, что он остановился и поискал глазами место, куда бы присесть.

– Гляди-ка, дочка... – проговорил он.

Ирина прошла мимо, держа на руках непросохшие холсты, как держат иконы во время крестного хода.

Баська уткнулся в ноги хозяину и выгнул спину, поджимая живот.

– Ты чего, Баська? – испуганно спросил Никита Иваныч.

Кобель тупо уставился на хозяина красными глазами и качнулся. Из его пасти откровенно несло крепким водочным перегаром.

«В то-о-ой степи-и глухо-о-ой схорони-и меня-я-я...» –

орал кто-то в пустующей избе напротив аникеевского дома.

– Баська, домой! – скомандовал Завхоз.

Пес пугливо шархнул, но тут же развернулся к хозяйну и оскалил пасть в немом рыке. Никита Иваныч поднял с земли сук и со всей силы вытянул кобеля по боку. Отброшенный ударом, он перевернулся и, повизгивая, уполз в подворотню. Не выпуская из рук палки, дед Аникеев поднялся на крыльцо пустующей избы и распахнул дверь. В полумраке заброшенного жилища, на голом некрашеном полу спали неизвестные люди. Дурной, болезненный храп вырывался из гортаней, кто-то стонал и просил пить, будто раненый в госпитале, шелестели сухие губы и языки. Только один мужик, голый до пояса, сидел у растворенного окна и выкрикивал песню.

– Здорово, люди хорошие! – поприветствовал дед Аникеев и встал у порога.

Мужик резко оглянулся и, вытаращив кровавые глаза, прижался спиной к подоконнику.

– Черт, черт! – выкрикнул он. – Уйди от меня! Не трогай! Не трогай меня!

– Сам ты черт! – бросил Никита Иваныч. – Вы что за люди? Откуда прибыли? Кто такие?

Мужик потряс головой, сморщился:

– Фу... И напугал же... Чего ты такой грязный? – Он осмелел и глянул на старика с любопытством. – А самогонки у тебя не найдется, папаша? Голова трещит – труба.

– Кто такие? – сурово спросил дед Аникеев и пристукнул сучком об пол. Он заметил, что за большой русской печью стоит единственная раскладушка, на которой кто-то спит, укрывшись белым, чистым одеялом. Рядом с кроватью, на табурете, лежала аккуратно свернутая одежда.

– Люди мы, люди, старина, – забормотал полуголый. – И душа горит у нас. Дай самогонки, а? Не дай пропасть похмельной смертью. Ты, может, это... хозяин этой избы? Так, прости, гостям должен рад быть. Чего строжишься?

– Хозяин! – отрезал Завхоз. – Говори, зачем в Алейку пожаловали?

– На какое-то болото... – тоскливо протянул полуголый, сжимая голову. – Мелио... мелио... орировать...

– Как это? – не понял дед Аникеев.

– Черт его знает, – сказал мужик, страдая от головной боли, – кажется, обводнять... Дай, старичок, мале-енечко...

– Обводнять? – ахнул Завхоз и чуть не сел на порог. – Да неужто обводнять?

– Ну... – простонал полуголый, – то ли обводнять, то ли осушать – не помню. Что-то нам говорили...

Он почувствовал, что старик заинтересовался, и, ожив на минуту, глубокомысленно потер лоб.

– Та-ак, – проронил мужик. – В пустыне мы чего-то осушали. Потом ездили обводнять... Потом опять осушали... В том году обводняли... Значит, нынче осушать будем. Ну так налей, дед, грамм сотню-другую, а? Захочешь – осушим,

захочешь – обводним. Мы такие ребята...

– А точнее-то знаешь? – напирал Завхоз.

– Точнее у начальника спроси. Мы люди подневольные, под хозяином ходим. Эй, Кулешов, тут старик пришел. – По-луголый, ступая через спящих, подобрался к раскладушке. – Говорит, самогон есть. Купи, а?

– Чего тебе, Колесов? – сердито спросил начальник и отвернулся лицом к печке. – Ты угомонишься наконец? Ну, алкаши, завтра я вам дам! Капли у меня не получите.

– Старикан, грю, пришел, – мужик попытался сделать стойку «смирно», – про работу пытается.

– Где? – Кулешов приподнялся на локте. – Зови сюда.

Никита Иваныч, стараясь не наступать на спящих, пробрался к начальнику. Колосов терпеливо ждал, сглатывая сухим горлом.

– Если ты наниматься, старик, то работы пока нет, – сухо сказал начальник. – Погоди немного, через месяц будет. Сейчас нам только повариха нужна.

И дед Аникеев вдруг растерялся. Он узнал того самого человека, что встретил на распутье недалеко от поселка. Дорогу еще показал тракторной колонне.

– Я это... спросить хотел, – замялся дед. – Вы, значит, болото наше обводнять приехали?

– Почему обводнять? – Кулешов зевнул. – Наоборот. Осушать будем и торф добывать. Ну ты через месяц приходи – потолкуем. А может, старуху свою поварихой пришлешь?

– Я же писал... – окончательно растерялся дед Аникеев. – Зачем – торф? Зачем добывать?

– Как зачем? – вздохнул Кулешов и, улегшись, накрылся одеялом. – Электростанцию построили, а топлива не хватает... Говорят, мощность набрать не может... – И, засыпая, добавил: – Энергетический кризис... А вам потом сюда электричество проведут. Заживете...

Никита Иваныч попятился и, наступив на чью-то руку, чуть не упал на тяжело дышащих людей. Однако, сохранив равновесие, он развернулся и побежал к двери.

– Эх, ну и люди же zde-есь, – тоскливо протянул Колесов. – Умирать станешь – воды не подадут.

Дед Аникеев вылетел на улицу и остановился, вытирая взмокравший лоб. Угрюмые бульдозеры, опустив лопаты на землю, краснели под восходящим солнцем. Приходя в себя, он обошел технику, оценивающе глянул на болотоходные гусеницы и вдруг, схватив кирпич, со всей силы трахнул им в зубастый радиатор крайнего трактора.

Потом он долго сидел у себя на крыльце, переваривая в уме все, что произошло за последние несколько часов. Вспоминал, как шли они с Ириной от болота, как радовался он, поглядывая на дочь: а ну как и впрямь сбудется старая примета? Сколько же ей может не везти? Лет пятнадцать рисует, но ни одной картины Никита Иваныч не видел, кроме этюдов. Других художников в видякинских журналах печатают, статьи про них пишут (Аникеев интересовался всем, что связано с художниками), а про дочь хоть бы словечко. Ирина-то говорит, будто в выставках участвует, да где эти выставки увидишь, если в Алейке живешь? Старик и гордился дочерью, и одновременно ощущал какую-то ущербность: выходило-то, будто Никита Иваныч, рассказывая об Ирине-художнице, немного привирал. Кто ее знает? В Алейке, конечно, знают, но как его дочь. А другие люди? Если же ты известный человек, считал дед Аникеев, то тебя везде должны знать и узнавать. Вот и он сам работал завхозом, так любого спроси – ответит. Не зря должность и в прозвище перешла.

Конец дочериному невезению должен был наступить. Ишь как у нее хорошо журавли получились, а про Хозяина и слов нет: озноб по коже. Глядишь, так и пойдет у нее с рисованием, да еще замуж выйдет!

Хорошо ему думалось, когда шли с болота в Алейку. Тут

же будто о стену ударился: ждал обводнителей – приехали осушители.

И никак не мог охватить умом, взять в толк, почему такое случилось. Ведь как на смех вышло, что он сам показал до-рогу этой компании на бульдозерах, сам привел их в Алейку, посоветовав там, на распустье, ехать по его следу.

Никита Иваныч страдал. Катерина, хлопоча по хозяйству, несколько раз окликала его, звала в избу, однако он сидел мертвяком.

– Всю ночь где-то черти носили, – поругивалась старуха. – Теперь сидит как пень. Сбесился уж совсем.

– Беда, Катя, – пробубнил дед Аникеев. – Беда пришла...

Разобраться одному в этакой заварухе было не под силу. В другой бы раз он тут же побежал к Ивану Видякину, но вспомнил, что вчера только у них вышла размолвка. К кому еще пойдешь, если населения в Алейке три с половиной мужика? И все-таки, подумав, Никита Иваныч остановился на Пухове. По крайней мере с ним ругались давно и пора мириться. Подбадривая себя, что сосед – вовсе человек не плохой (а вывертов у кого не бывает?), дед Аникеев как был в затертой болотной жижей одежде, так и подался к Пухову.

Надо сказать, Пухов страдал не меньше Аникеева, причем уже давно. Пока его избирали на общественные должности, единственный офицер-фронтовик (с войны пришел младшим лейтенантом) ходил по Алейке гоголем и даже деревянной ноги под собой не чувял. Во всем разбирался, везде

поспевал, и цены, считали, ему не было. Случится кому развод затеять – Пухов уже здесь, как депутат сельсовета. Если не помирят мужика с бабой, то уж вещи разделит – обиженных нет. Или приедет из района уполномоченный какого-нибудь общества – взносы собрать, агитрабoту провести, – сразу к Пухову и уже с ним идет по дворам.

Но года полтора назад, когда леспромхоз почти уже закрылся – начальство с конторой уехало, а кое-какие рабочие еще оставались, – Пухова разжаловали, можно сказать, до самого нижнего чина – до рядового алейского жителя. Случилось это так. Однажды в Алейке прослышали, что повсюду в деревнях и городах создают товарищеские суды. Мероприятие, конечно, нужнейшее, особенно для такого поселка, как Алейка, где ни сельсовета не стало, ни участкового, ни какого-нибудь другого органа власти. Но жизнь-то общественная – куда ее денешь? – текла, и то пьяница надебоширит, то какое мелкое воровство обнаружится, то злоба между соседями из-за свиньи, которая в чужой огород залезла и грядки потравила. Пухов съездил в сельсовет, уточнил, верный ли слух про суды, и не долго думая собрал алейцев в клубе и объявил, дескать, давайте свой товарищеский суд организуем и председателя выберем. Кандидатуру жителя Алейки не обсуждали – кого же еще, как не Пухова? Пухова избрали председателем, а членами трех мужиков, среди которых и Никита Иваныч оказался. Ждать дела долго не пришлось. Скоро в Алейке произошло ЧП: семья вербованных (и се-

мьей-то трудно назвать, сошлись да живут вдвоем), Валентин и Валентина, напившись, чего-то не поделили и разодрались. Она его ударила по голове противнем, а он ее свалил на пол, облил ацетоном и поджег. Валентина выскочила из избы пылающим синим факелом и понеслась вдоль улицы:

– Помогите! Заживо сгораю! Из-за него, проклятого!

Никто и сообразить толком ничего не успел, а Валентин выбежал за ней с одеялом, сбил на землю и потушил огонь. Потом у всего честного народа на глазах взял ее на руки и понес в дом. Несет, целует ее, ластится и приговаривает:

– Милая ты моя, родненькая ты моя, солнышко мое...

Нечто подобное уже случилось в этой семье. Считай, как у них выпивка, так без приключений не обходится. Но на сей раз товарищеский суд решил положить этому конец. Пухов собрал заседание, вызвал Валентина и начал судить.

– В тюрьму его, паразита! – кричала подвыпившая Валентина. – Житья от него нету! Так и маюсь с ним который год!

И народ, присутствующий на суде, тоже стал возмущаться, особенно женщины. Мол, потрафь Валентину сегодня – завтра наши мужики поджигать начнут. Кроме того, другие обвинения посыпались: на работе прогуливает, дрова у соседей приворовывает, в магазине всегда без очереди лезет. Страсти накалил еще и сам Пухов.

– Обливать человека горячим и поджигать – чистой воды фашизм, – сказал он в обвинительной речи. – Это неслыханное преступление, за которое полагается самая суровая кара.

И Валентина приговорили к расстрелу...

В запалке-то приговорили, а как опамятавались – уже после суда, – стали мараковать, что к чему. Надо ведь кому-то приговор приводить в исполнение. Тут еще дед Аникеев раздумывать начал: а можно ли к расстрелу-то? А имеем ли право? И вообще, есть ли у председателя бумаги, где написано, что за штука – товарищеский суд? Валентина же, услышав приговор, вдруг кинулась к мужу на шею, обняла, заревела, запричитала:

– Миленький ты мой, родной мой, любимый! Да не хотела я!..

Он ее тоже обнял, плачет, прощения просит и напутствие дает:

– Ты уж по мне-то долго не убивайся. Найдешь кого – выходи замуж. Хоть остаток жизни хорошо проживешь.

А она:

– Не хочу хорошо! Хочу – как было!

Едва их растащили. Пухов все-таки распорядился одному члену суда пойти домой, взять двустволку и привести приговор в исполнение. Исполнительный член принес ружье и повел Валентина за поскотину. Никита Иваныч, опомнившись наконец от гневной речи председателя суда и сообразив, что на его глазах происходит ужасное беззаконие, кинулся к Ивану Видякину, человеку от общественной жизни далекому, и с его помощью отбил несчастного от рук «правосудия». Дед Аникеев с Пуховым тут же вдрызг разругались,

даже за грудки похватались, но их вовремя разняли подошедшие по тревожному сигналу начальник милиции и прокурор.

Пухову учли его фронтовое прошлое и только разжаловали до самых низов. А так он человек был хороший, попроси помощи – никогда не откажет и совет иногда получше Ивана Видякина даст. Как ни говори, но Пухов далеко умел смотреть и в людях разбирался.

А Валентин же все-таки уколошил свою Валентину...

Пухов завтракал, сидя за столом в рубахе, кальсонах и без протеза. Старик был бобылем и все хозяйство вел сам.

– А-а, давненько не заглядывал, Никита Иваныч! – обрадовался Пухов. – Давай присаживайся, поснедаем, заодно новости расскажешь. А то я прихворнул, дома сижу...

Дед Аникеев придвинул табурет и сел, облокотясь на стол.

– Погоди-ка! – Глаза Пухова озорно и испытующе блеснули. – У меня бутылочка есть, припрятана. Давно берегу.

Завхоз знал, что эта бутылочка – мировая, но сейчас ему было не до этого. Хозяин пошарил рукой за печкой, не вставая со скамейки, и вынул «Перцовку».

– Новости одни нынче, – проговорил Никита Иваныч. – Трактора видел?

– Видел. – Пухов щедро наполнил стаканы.

– Болото наше зорить приехали!

– Ну?

– Торф добывать для электростанции.

– Это хорошее дело, – одобрил Пухов. – Электрификация – наша сила.

– А болото как же? – возмутился Завхоз. – Журавли-то улетят!

– Да-а, – протянул сосед. – Куда ни кинь – везде клин. Ну, хрен с ним, давай!

Минут через пять они завеселели, покраснелись и заговорили громко.

– Я письмо в Москву написал, жалобу, – сказал дед Аникеев. – Пока оно ходит туда-сюда – болото надо защищать. А то они здесь такого наворочают, потом не расхлебаешь. Я журавлей пугать не дам.

– И я не дам! – согласился Пухов. – Я как член общества охраны природы не дам. Айда к ихнему начальнику. Наложим запрет и точка.

– Ага, ему наложишь, – не согласился Завхоз. – Я уже с ним разговаривал... У него глазищи – так и жгет... Слово сказать – язык не поворачивается.

– Видали мы таких! – разошелся Пухов. – Я на фронте перед немцем не дрогнул, а перед этим и не моргну!

И снова несколько минут они сидели молча, уставившись на вытертую до ткани клеенку на столе.

– Словом его не примешь, – заверил Завхоз. – Тут другое средство нужно. Как с врагом надо действовать.

– Как это... как с врагом? – насторожился Пухов и, скло-

нив голову набок, заглянул гостю в глаза.

– А так. Помнишь – на фронте?

– Ну! На фронте-то я помню! – оживился сосед. – Бывало, лежим мы на берегу Волги под самыми стенами Сталинграда...

– Во! И здесь так же! – Никита Иваныч вскочил. – Ты пока собирайся, а я пошел за ружьем. Ляжем у болота и не пустим. В засаде будем. Как на фронте: мы тут, а там враг. Перестреляем всех и баста!

Пухов секунду колебался, и глаза его стремительно бегали по стенам избы.

– Давай! – рубанул он. – Кто здесь хозяйева? Мы! Нам и распоряжаться!

Дед Аникеев ворвался в свою избу. Ирина спала, положив голову на обеденный стол, а перед ней был сотворенный ею Хозяин.

– Ох! – только и произнесла Катерина. – Конец света, истинный Бог! Приезжие всю ночь только с хлебом ее не жрали, Баську нашего напоили, и ты с утра выпимши. Что же это делается, Господи?

– Беда, старуха, – полушепотом сказал Никита Иваныч, чтобы не разбудить дочь. – Болото зорить приехали, беда.

Он бросился к спинке кровати, за которой стояло ружье, вытащил его и метнулся к полке.

– Чего ты? – испугалась Катерина. – Куда?

– Где патронташ? – Завхоз обшарил полку, отыскал па-

троны и направился к двери. – Не дам. Не пущу проклятых вредителей!

Ирина спала, а Хозяин, как живой, тянул к ней маленькую головку, чуть приоткрыв клювообразный рот с мелкими зубами...

А в Алейке тоже спали. Лишь с окраины, где жил Иван Видякин, доносился стук топора и курился дымок из трубы. Завхоз вернулся к Пухову. Тот уже стоял в полной форме – китель военного покроя с глухим воротником и медалями, защитного цвета галифе, хромовый сапог и полувоенная фуражка с большим козырьком. Пухов возился с протезом, подтягивал ремни, долго привязывал пустую штанину. Завхоз торопил. Наконец Пухов справился с деревяшкой и бросился искать клюку.

– Да не костыль – ружье бери! – прикрикнул Никита Иванович.

– Оно же поломано, – сказал Пухов, звякая медалями. – Который год открыть не могу...

– Врешь?

– Что мне врать? Что мне врать? – забормотал сосед, и глаза его забегали в поисках клюки. – Вон гляди.

Глядеть было некогда. Мелиораторы могли вот-вот проснуться, завести бульдозеры и поехать на болото. А до него еще пешком семь верст...

– Ладно, пошли так! – распорядился Завхоз. – Только не отставай.

Они вышли на улицу и направились по дороге к болоту. Ковылявший Пухов вдруг остановился.

– Никита, а может, и Ваньку Видякина взять? Ванька – мужик молодой, крепкий.

– Пошел ты с этим Ванькой! – разозлился дед Аникеев. – Не отставай!

– А зря, зря, – пришептывал Пухов. – У них же трактора. А это, считай, танки. Куда мы с тобой против танков?

– Что, кишка слаба? – на ходу спросил Завхоз, тем самым ударив его в самое уязвимое место.

– У меня-то? – взбодрился Пухов и выгнул грудь. – Да я их!

Он потряс клюкой, и медали зазвенели. Их было четыре всего: одна «За оборону Сталинграда» и три значительные – «За отвагу». Но гордился Пухов больше первой медалью, и все рассказы о войне начинались у него со слов: «Лежим мы, значит, на берегу Волги под стенами Сталинграда...»

Дед Аникеев наградами похвастаться не мог. Дело в том, что всю войну он простоял на дальневосточной границе против японцев и лишь в ее конце ходил походом через Большой Хинган громить Квантунскую армию, за что и получил единственную медаль.

По дороге Завхоз наставлял Пухова:

– Как пойдут – ори: «Не смейте трогать!», «Вредители!» Понял? Поворачивайте, мол, назад!

– Да я уж знаю, что им сказать! – раззадоривался Пухов. –

Я как член общества охраны природы имею право!

Где-то на половине пути сели отдохнуть: Пухов сильно отставал, а когда начинал спешить – ковырял протезом землю и шагал еще медленнее. Однако едва они спустились на бровку дороги, как за спиной пулеметно застрекотали тракторные пускachi. Это означало, что мелиораторы проснулись. Завхоз поднял Пухова и повел дальше.

Оборону заняли недалеко от кромки болота, залегли в куче полусгнивших хлыстов у дороги и стали ждать.

– Эх! – вздохнул Пухов, оглядываясь на чистую ширь болота. – Лежим мы вот так же на берегу Волги под стенами Сталинграда – жарынь, пылюга!.. Немец прет, а нам, значит, приказ: «За Волгой земли нету!» А он крупным калибром ка-ак чесанет-чесанет! Осколки как поленья...

Гул тракторов приближался. Завхоз зарядил ружье.

– Я-то взводным командиром был, – продолжал Пухов, в который раз рассказывая одну и ту же историю. – А здесь кричат по цепи – ротного убило! Веришь, осколком-то как топором – напололам... Меня такое зло взяло, ну прямо как сейчас. Выскочил я из траншеи, кричу: «Рота! В атаку, за мной!» Командование, значит, на себя принял. «За Родину! – ору. – За Сталина!» Мой взвод поднялся, а за ним вся рота пошла. Только из окопов-то поднялись – мне осколком по ноге... Упал я назад в траншею, гляжу – мать моя! Ноги-то как не бывало! Кость этак вот торчит – бе-елая... Глянул – рядом ротный наш лежит. Вот, говорю, и отвоевались

мы с тобой...

Над дорогой сначала взвился столб пыли, сносимый ветром, а потом из-за поворота вырулил первый бульдозер. Мелко задрожала земля...

– Замолчь, – приказал Никита Иваныч и, поднявшись во весь рост, взял ружье на изготовку.

Старик Пухов тоже поднялся и подтянул к себе клюку.

– Сто-о-ой! – заорал дед Аникеев и выпалил в воздух.

– Погоди, – зашептал Пухов. – Ближе подпустим...

– Куда уж ближе! Стой, говорю!

– Не смейте трогать! – прокричал Пухов и стукнул костылем по бревну.

Трактор остановился и сразу же окутался облаком пыли. Когда пыль чуть рассеялась, Завхоз увидел, что из кабины выскочил начальник Кулешов и остановился, облокотившись о бульдозерную лопату.

– Не дам! – крикнул Никита Иваныч и зарядил ружье. – Назад! Иначе стрелю!

– Вредители! – фальцетом поддержал Пухов, и протез его отчаянно скрипнул.

Кулешов оттолкнулся от лопаты и, заложив руки за спину, двинулся к старикам. Он шагал твердо, поднимая сапогами стремительные облачка пыли. Расстояние сокращалось. Вывалившиеся из кабин мелиораторы встали плотным рядом впереди тракторов и замерли.

– Назад, говорю! – Завхоз выпалил в голубое чистое небо.

Пухов вздрогнул от выстрела и тоже сказал:

– Вредители...

Кулешов, не доходя пяти шагов, остановился, широко расставив ноги.

– Не смейте трогать болото, – твердо произнес Никита Иваныч. – Добром прошу – уходите.

Начальник вдруг улыбнулся:

– Здорово, партизаны! По какому случаю залпы?

– Не дадим болото зорить, – ответил дед Аникеев. – Журавли пропадут. Езжайте отсюда.

– Какие журавли? – спросил Кулешов. – При чем здесь твои журавли, когда мне торф нужен? Освободите дорогу!

– Не пущу! – Завхоз наставил ружье. – Убирайтесь!

– Болото твое? – спросил Кулешов, прищурив глаза. – Или все-таки государственное?

– Государственное, – с честью сказал дед Аникеев.

– Тогда прочь с дороги, самозванцы! – отрубил начальник звенящим от напряжения голосом. Взревели моторы, и колонна тронулась к болоту.

Никита Иваныч дрогнул, и ствол ружья опустился.

– Пали! – выдохнул Пухов, протез у него подвернулся, и старик рухнул на землю.

– Живо, живо! – поторопил начальник. – Некогда с вами, работать надо!

Завхоз, опираясь на ружье, сел рядом с упавшим товарищем.

Колонна бульдозеров проехала мимо и, развернувшись фронтом, остановилась у кромки болота. Никите Иванычу запорошило глаза. Он отер их кулаком, однако резь только усилилась. Смотреть стало больно.

Из кабин тракторов высыпали деловитые, сосредоточенные люди с теодолитами, рейками и, посоветовавшись, направились в глубь мари. Они двоились, троились в глазах дедушки Аникеева, и казалось, на болото наступает развернутый в цепь полк.

– Из-за тебя все, – проронил Завхоз. – А кричал – я! С танками справлюсь, глазом не моргну...

– Чуть что – все из-за Пухова! – обиделся Пухов. – Вечно Пухов виноват! Вам не угодить: то круто, то слабо.

– Пропало болото... – тихо сказал Никита Иваныч. – В одном государстве живем, а разобраться не можем.

– Конечно! – подхватил Пухов. – Потому что режиму никакого не стало, порядку.

– Да пошел ты отсюда со своим режимом! – Дед Аникеев выматерился, щуря глаза и пытаясь сморгнуть сор.

– Ну и пойду! – возмутился Пухов и, резко вскочив, заковылял по дороге. – Я под Сталинградом хоть знал, с кем воюю. А здесь? Против кого стоять?

– Пуганая ворона куста боится! – огрызнулся Завхоз. – Вали-вали!

Пухова словно током пробило. Он замер на мгновение, ссутуля спину, перекосясь на один бок и затем тяжело по-

брел в Алейку. Обида была смертельной.

А в глазах деда Аникеева вдруг просветлело: сор вышел вместе со слезой.

8

Несколько дней Завхоз не выходил из ворот двора. Вставал рано и, надев калоши на босую ногу, в кальсонах и рубахе подходил к забору и, облокотившись, подолгу наблюдал за новыми соседями. Мелиораторы собирались на работу, завтракали, сидя за столом во дворе, хохотали, шутили друг над другом, молодые, довольные жизнью и уверенные в себе. Они радовались хорошей погоде, деревенскому воздуху, летающим пчелам (пока, правда, одного из них здорово не покусали). Иногда несколько мужиков бегали в одних трусах на речку купаться, ревели там бугаями и дурачились, как ребятишки. Их начальник Кулешов по утрам был мрачноватый и неразговорчивый, зато вечером, когда рабочие засыпали, он брал гитару и подолгу играл и пел, сидя на крыльчке. Надо сказать, получалось у него хорошо, как по радио. Никита Иваныч порой даже заслушивался и забывал, кто играет и поет. Казачьи песни – а родом дед Аникеев был из казаков – чуть слезу не прошибали. «По Дону гуляет, по Дону гуляет, по Дону гуляет казак молодой...» Или: «Любо, братцы, любо, братцы, жить. С нашим атаманом не приходится тужить...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.